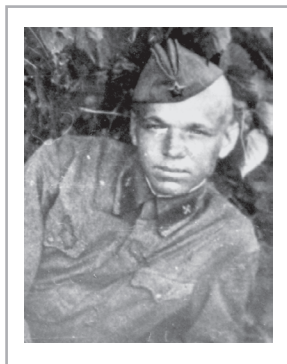

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КОРЕНЮГИН

Вперед к Рижскому заливу

Наступление стрелковых полков 332-й стрелковой дивизии и 891-го артиллерийского полка успешно продолжалось.

18 июля 1944 года войска Красной Армии вступили в Советскую Латвию. Артиллеристы, не зная усталости, шли вперед на запад к Рижскому заливу, освобождая шаг за шагом Родину. Час за часом приближался последний день гитлеровской своры. Но с приближением долгожданного дня Великой Победы сопротивление врага возрастало. Немцы с упорством оборонялись и яростно сопротивлялись. Они цеплялись за каждый метр земли, лишь бы оттянуть время своей неминуемой гибели.

Местность в Латвии, по которой наступали наши полки, была сильно пересеченная. С трудом приходилось преодолевать, особенно артиллеристам, густые леса, топкие болота. Завязшие в трясины орудия часто доставляли много хлопот. Солдаты порой сами впрягались в лямки к лошадям, упирались в щиты орудий, помогали быстрее выбраться из топи. В самых труднопроходимых местах устилали дорогу ветками. Но зато появлялись там, где чаще всего немцы не ожидали наших орудий. Громили врага с прямой и закрытой позиций. Так, огнем и колесами уничтожали они боевую технику и живую силу врага.

Утром 20 июля батальоны 1115-го полка, поддерживаемые вторым артиллерийским дивизионом, скрытно подошли к городу Стальты и неожиданным артиллерийским налетом накрыли огневые позиции врага. Стрелковые роты с дружным криком «ура» бросились вперед. Враг от внезапного удара в панике стал отступать. За несколько часов город был освобожден.

Преследуя врага, 1117-й полк, поддерживаемый третьим артиллерийским дивизионом, 21 июля освободил город Пиедруя. А днем позже, 22 июля, подразделения 1119-го полка, взаимодействуя с первым и третьим дивизионами, выбили врага из города Краслава, огневые позиции стояли на улицах города.

К исходу дня 22 июля полки дивизии продолжали успешно наступать. Окрыленные успехами – освобождением нескольких городов Латвии – воины артиллерийского полка шли без сна и отдыха.

В одном из маршей командир огневого взвода второй батареи лейтенант Округин в шутку говорил: «Я вел учет, сколько мы перекопали земли для укрытия орудий. Ровиков под снаряды с 28 июня по 22 июля 1944 года, т.е. за один месяц, оказалось вырыто более 127 штук. Это только для одного орудия!»

Наш путь лежал на город Двинск. 23 июля стрелковые роты 1119-го полка освободили местечко Извалта. 26 июля полки 332-й Иваново-Полоцкой стрелковой дивизии имени М.В. Фрунзе подошли к городу Двинск (Даугавпилс) и завязали бои в пригороде.

1117-й, 1119-й полки и 891-й артиллерийский полк совместно с другими частями Второго Прибалтийского фронта приступили к окружению врага. Фашисты сопротивлялись с отчаянием обреченных. Гитлеровцев приходилось выбивать из каждой засады, выводя орудия на прямую наводку. В уличных боях особо отличились артиллеристы первого дивизиона майора Сало. К исходу дня 27 июля город Двинск был полностью освобожден.

Разрозненные группы противника без сопротивления сдавались в плен. 26 июля столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам двадцатью артиллерийскими залпами.

Груды развалин, сожженные дома – таким мы увидели освобожденный город Двинск. Более 40 городских предприятий были разграблены и сожжены. Тысячи горожан были замучены фашистами и угнаны в Германию.

Преследуя врага в направлении деревень Кривяни, Кругла, Вингрево, части 332-й дивизии временно остановились и укрепились на достигнутых рубежах. Передовые наблюдательные пункты батарей были в цепи обороняющихся стрелковых рот.

Командир четвертой батареи второго артиллерийского дивизиона капитан М.С. Королев приказал командиру взвода управления лейтенанту П.Г. Мозалевскому совместно с командиром отделения разведки Б.К. Камчаткиным, рядовыми П.И. Грозовым и мною обо-

рудовать наблюдательный пункт и пристрелять цели противника. Наблюдательный пункт был выбран удачно, связь с батареей работала бесперебойно.

В полночь, когда разведчики отдыхали, часовым стоял в ровике я. Вслушавшись в ночную тишину, услышал какой-то шорох и приглушенный разговор приближавшихся немцев. Раздумывать было некогда. Подымать ребят было поздно. Терять время нельзя. Я быстро прыгнул в свой ровик, выстрелил из ракетницы и увидел группу немецких солдат, которые, пригнувшись, приближались ко мне. Я открыл огонь из автомата и бросил в немецкую цепь свою гранату.

Фашисты заметались от неожиданного огня. Услышав стрельбу, разведчики вместе с Мозалевским вовремя подоспели на помощь. В результате двухчасового боя гитлеровцы понесли большие потери.

Уцелевшие гитлеровцы поспешно отошли на свои позиции. За бдительность и находчивость разведчики были награждены орденами Красной Звезды и Славы 3-й степени.

Сбивая заслон за заслоном, полки 332-й дивизии и 891-й артиллерийский полк успешно продвигались вперед. 1 августа освободили крупные населенные пункты Крывяни, Крукла, Вингрево и вышли к реке Дубна.

Форсировать реку с ходу не удалось. Враг сильно укрепил крутые берега с западной стороны. Немцы по всему участку наступления дивизии и артполка простреливали реку Дубна с самоходных орудий. Переправа бойцов через реку была затруднена.

Подразделения 1119-го и 1115-го стрелковых полков несколько раз пытались форсировать реку, но их встречал смертоносный огонь вражеских пулеметов и орудий. Требовалось, прежде всего, уничтожить огневые точки противника.

Артиллеристы должны были первыми проникнуть под вражеским огнем на противоположный берег, засечь орудие и уничтожить его. Для проведения этой операции и я был включен в состав группы.

Выбрал узкое место реки, взял с собой катушку связи, привязал к ней камень и нырнул в воду. Доплыл до противоположного берега, натянул кабель и привязал к дереву. А следом за мной лейтенант Мозалевский с разведчиками, усевшись в лодку, быстро стали пересекать реку по проложенному кабелю.

Переплыли быстро и закрепились на высоких склонах. Засекли огневые точки противника, и точным артиллерийским огнем цель

была подавлена. Под прикрытием артиллерийского огня батареями стрелковые полки дивизии быстро стали переправляться через реку на лодках, плотках, вплавь и с ходу атаковали врага.

К исходу дня 2 августа 1117-й полк, а также 2-й и 3-й артдивизионы подошли к городу Ливаны, ворвались в южную часть и закрепились. В этот вечер подходили и остальные полки дивизии. Немцы удерживали лишь небольшой плацдарм на южном берегу реки Дубна.

Выбить немцев с плацдарма предстояло 1115-му полку. Более часа длился артиллерийский обстрел укреплений врага. Мощным ударом были подавлены все огневые точки немцев.

Под прикрытием артиллерийского огня стрелковые батальоны ворвались в траншеи гитлеровцев. Враг не выдержал натиска, стал отходить к реке. Немцы бежали со всех сторон к переправе. Не желая сдаваться, они бросались в воду, но их настигали пули. Город Ливаны был освобожден от гитлеровских захватчиков. В этих боях погиб командир дивизии полковник Тихон Федорович Егошин. Тело его перевезли в город Двинск и похоронили в городском сквере.

Новым командиром 332-й стрелковой дивизии был назначен полковник Иван Иванович Савченко. Наступление развивалось успешно.

Войска 1-го Прибалтийского фронта 1 августа местами вышли к Рижскому заливу. В ночь с 5 на 6 августа 332-я стрелковая дивизия и 891-й артиллерийский полк переправились с правого берега реки Даугава на левый. Ночь была тихая, лунная, переправлялись по наведенному понтонному мосту, соблюдая меры предосторожности.

7 августа маршем проследовали через город Рокишкис, затем – Понемунис, Понделис. Преследуя отступающего врага, 8 августа части 332-й стрелковой дивизии при поддержке артогнем 891-го полка форсировали реку Сусея и снова оказались в Латвии. После упорного боя и сильной артиллерийской подготовки овладели городом Нерета.

9 августа 1944 года воинам 332-й стрелковой дивизии сообщили радостную весть. 1117-му полку и другим частям и соединениям Верховным Главнокомандующим были присвоены почетные наименования Двинских. Это сообщение еще больше воодушевило солдат и командиров дивизии.

11 августа стрелковые полки дивизии начали новое наступле-

ние, пересекли железную дорогу между городами Круспилс и Елгава, вышли на Рижский большак в районе Вампаса.

Встретив сильное сопротивление противника, дивизия стала в оборону. До города Рига оставалось всего 50–70 километров. На подступах к Риге гитлеровцы решили сделать решающий удар, чтобы разгромить противостоящие части 1-го Прибалтийского фронта. Враг сосредоточил три пехотные и семь танковых дивизий, в которых насчитывалось до 800 танков.

Первый удар противник нанес по городу Елгава к исходу ночи 17 августа, но успеха он не имел. Все атаки немцев были отбиты с большими потерями живой силы и техники.

Вторым ударом 20 августа в районе города Тукумс гитлеровцы в ожесточенных боях пробили узкий коридор и соединились с северной группой войск.

Наши войска с 20 августа по 15 сентября совершенствовали свою оборону. Копали сплошные траншеи в полный профиль на рубеже Пунгяны – отметка 61,2 – сосновая роща в пятистах метрах от западной стороны населенного пункта Болоши, включая дорогу на город Рига.

На этом участке противостояла советским частям 225-я пехотная дивизия фашистов. Перед своей линией обороны саперы уложили большое количество противотанковых мин. Артиллеристы нашего полка устанавливали орудия на танкоопасном направлении, особенно на шоссе на дороге, ведущей из города Рига на Пунгяны. По разведанным, противник подтягивал танки, самоходные орудия, которые обрушивали на наши позиции сотни снарядов.

Артиллеристы, взаимодействуя со стрелковыми ротами, отбивали атаки врага. Все попытки сбить части 332-й стрелковой дивизии с занимаемого рубежа не приносили успеха. На дорогах к рижскому взморью валялись сожженные танки, машины, орудия, трупы вражеских солдат и офицеров. Немцы спешно подтягивали всё новые и новые резервы.

Здесь, в самых жарких боях, в тяжелой обстановке 22 августа дивизия и наш артиллерийский полк отмечали свою третью годовщину со дня формирования.

По приказу командования 4-й ударной армии 332-я дивизия и 891-й полк ночью 15 сентября сдали свою оборону другим частям армии, скрытно от врага совершили ночной марш и сосредоточились в районе населенных пунктов Бурас, Бинериски, Кундзини.

Рано утром 16 сентября 1944 года после мощной артиллерийской подготовки на узком участке фронта оборона немцев была прорвана. В прорыв устремились все стрелковые полки дивизии и развивали наступление. Артиллеристы всех дивизионов полка вели огонь с закрытых и открытых позиций.

Особенно отличился в этих боях орудийный расчет пятой батареи старшего сержанта Ф.М. Лапкина. Он приказал своему расчету выкатить орудие на открытую огневую позицию и уничтожить орудие противника. Цель была уничтожена. Стрелковые подразделения 1115-го и 1117-го полков снова пошли в бой, преследуя врага. За этот бой Лапкин был награжден орденом Славы 3-й степени, а расчет был награжден медалями «За отвагу».

Первый огневой взвод второй батареи под командованием лейтенанта Округина поддержал наступление стрелковых рот 1119-го полка на станцию Гейздас, которые ворвались и выбили врага. Орудия третьей батареи под командованием лейтенанта В.М. Винокурова метким огнем по врагу поддержали наступление воинов первого батальона 1119-го полка, которые без потерь освободили железнодорожную станцию Бирзе.

В этих боях было освобождено более 30 населенных пунктов.

По приказу командования армии полки 332-й стрелковой дивизии и 891-й артиллерийский полк, сдав свой участок наступления, совершили ночью марш и заняли новую оборону у населенных пунктов Мискини и Драка. На этом участке фронта противник часто переходил в контратаки. Артиллеристы полка плотным огнем накрывали атакующих, и немцы откатывались на исходные позиции.

Вражеское командование понимало, что это важный рубеж, ключ к побережью Рижского залива. Вот поэтому немцы и перебрасывали сюда всё новые и новые силы из района Клайпеда.

На этом участке фронта пушки наших батарей не смолкали. Порой батарейцы не успевали чистить стволы своих орудий. Всё время слышалась команда: «Батареей огонь! Огонь!»

Надо отметить, что 332-я стрелковая дивизия со своим 891-м артиллерийским полком всегда вела бои на главном направлении в наступательных боях.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАРТЕНЕВ

Сопряженное наблюдение

Когда дивизия стояла в обороне, обстановка, естественно, менялась. Мы тщательнее оборудовали свои позиции, создавали запасные огневые и передовые наблюдательные пункты. Много делалось для улучшения быта. Под Полотой огневики восьмой батареи построили клуб, баню, соорудили надежные укрытия для коней и автомашин. Внутри землянок строили печи, на которых разогревали пищу, сушили одежду.

Капитально оборудовалось «жилье» для расчетов и позиции для орудий, находящихся на прямой наводке. После того как бронепоезд противника вышел к переднему краю и поддержал огнем действия поисковой группы, была выдвинута на прямую наводку 122-миллиметровая гаубица восьмой батареи. Огневую позицию оборудовали позади первой траншеи, рядом с железнодорожным полотном.

Командир орудия сержант Лозинский регулярно тренировал орудийные номера, добиваясь слаженности и автоматизма в действиях каждого – наводчика, замкового, заряжающего, правильного.

Гаубицу посадили в глубокий окоп и замаскировали дерном, елками. В течение ночи расчет бодрствовал. С наступлением рассвета по очереди отдыхали. Оборудование позиции и работу огневиков проверял как-то командир полка. Уходя, поинтересовался:

– Какие имеются неясности, вопросы?

Нас беспокоило одно – не слишком ли мало выделено снарядов. На огневой, в орудийном погребке, было подготовлено к стрельбе двадцать выстрелов, в том числе пять шрапнельных.

– А сколько необходимо, чтобы поразить бронепоезд, не позволить ему уползти обратно? – поинтересовался командир полка.

– Два-три, максимум четыре снаряда. Бить будем по паровозу, по колесной паре.

– Выходит, что для выполнения задачи снарядов у вас вполне достаточно. А к тому же имеется ручной пулемет, лучное оружие, гранаты.

Не знаю, что сыграло свою роль, но бронепоезд больше к переднему краю не сунулся. Из-за леса иногда поднимался небольшой дымок. Доносилось пыхтение паровоза. Он маневрировал на путях, в районе станции Полота, но выйти из-за лесочка на открытое место не решался.

Несколько левее нас передний край проходил по территории совхоза «Полота». Впереди в низинке, в пойме реки на нейтральной полосе, располагалось боевое охранение. В нем почти бесменно сидела полурота, а с ней – командир взвода управления, выпускник Смоленского артучилища, москвич Володя Дорофеев. У него под началом – телефонист и разведчик.

Как будто про тех ребят, про Володю поэт Григорий Куренев написал:

*Под Полоцком было так:
Мутная Полота,
Лес подобстрельный, редкий,
А я – командир разведки.*

Володя – командир артиллерийской разведки. Постоянно вел наблюдение за противником, ежечасно докладывал по телефону о его поведении и о появлении новых целей. Огонь мог вести только с разрешения комбата.

Как-то глубокой ночью бдительность боевого охранения попыталась прощупать поисковая группа противника. Немецкие саперы подобрались почти вплотную к траншее. Сняли противопехотные мины, стали резать колючую проволоку. В это время один из офицеров вышел в траншею проверить посты. Прислушался и сквозь шум дождя и ветра услышал слабое позвякивание навешанных на колючку консервных банок. Приглядевшись, различил силуэты солдат, осторожно резавших проволоку. Не теряя времени, рванулся к пулемету, открыл огонь.

– Боевая тревога! Немецкая разведка...

Первой же очередью были скошены вражеские саперы. Оставши-

еся в живых залегли. Плотный огонь прижимал их к земле. Заговорила наша батарея, заработали минометы. Мало кому из поисковой группы противника тогда удалось вернуться на левый берег Полоты, в траншеи.

Володя Дорофеев всегда спокойно и невозмутимо делал свое дело. Доставалось ему больше, чем кому-либо. Приходилось часами месить грязь, в слякоть сидеть в ржавой воде. Днем нельзя было обнаружить себя, не разрешалось растопить печурку. Связь с передним краем обороны, доставка пищи производились только ночью. А когда началось наступление – идти нужно было впереди вместе со стрелковыми ротами.

Володя погиб в июле 1944-го под Даугавпилсом, когда до взятия города оставалось несколько часов. Погиб, попав под обстрел проравшихся в тыл вражеских автоматчиков, в сравнительно спокойной обстановке, на марше.

Командиром первого огневого взвода, старшим на батарее почти всю войну был Сергей Ворыханов, мастер меланжевого комбината. В расчетах восьмой батареи – много рабочих ивановских предприятий. В их числе – старшина и парторг батареи Можаров, командир орудия Лозинский.

Работу огневииков отличали надежность, высокая точность стрельбы. Не случайно С. Ворыханова называли в полку «профессором огневого дела». Он прекрасно знал материальную часть, содержал в порядке технику, был запасливым хозяином. После длительного марша к кухне восьмой батарее нередко «пристраивались» соседи, ибо знали, что «восьмерка» кормит быстрее и щедрее всех.

Когда шли бои под Даугавпилсом, восьмую батарею пришлось ставить на огневую ночь. Наблюдательный пункт выбрали на опушке леса, где-то севернее Форштадта. Ночью пролил дождь, и прямо перед нами сверкала своими лужицами полевая дорога. С утра, едва пристреляли репер, как откуда-то из оврага выскочила на дорогу конная немецкая батарея. Не раздумывая, подаю команду:

– Левее 0-20, прицел 74, три снаряда, батареей беглый. Огонь!

Гаубичные гранаты точно накрыли цель. Прямое попадание в 105-миллиметровое орудие, в коней. Не успели на батарее доложить: «Очередь!», как немецкие солдаты побросали орудие, подхватив убитых, рассыпались вдоль дороги, а затем поползли в кустарник.

При открытии огня был известный риск – рядом с дорогой рас-

полагались советские солдаты. Но нельзя было упустить такую лакомую цель. Решение подкреплялось уверенностью в точной, почти ювелирной работе огневых взводов.

В споре, который возник некоторое время спустя, артиллеристы были готовы уступить пальму первенства пехотинцам, хотя те и «проморгали» вражескую батарею.

А вообще любой боевой успех был плодом коллективных усилий: результатом точной пристрелки и своевременного переноса огня, надежной работы связистов, разведчиков и, конечно, огневииков, которые, не видя цели, располагаясь в закрытых позициях, быстро и четко выполняли передаваемые с наблюдательного пункта команды.

Под Полотой одной из задач была контрбатарейная борьба. А это непростое дело. Нелегко определить точные координаты вражеских огневых. К тому же противник прибегал к различным уловкам. Вел огонь с временных позиций, периодически менял огневые, последовательность огня.

Командир 3-го дивизиона П. Харитошкин организовал сопряженное наблюдение. Засечку целей стали производить с двух-трех наблюдательных пунктов. Для этого на планшет натянули ватман, на него в масштабе 1:25000 нанесли наблюдательные пункты. Установили стереотрубы. Обеспечили прямую проводную связь между наблюдательными пунктами.

В момент выстрела одновременно с нескольких пунктов определяли направление, с которого вел огонь противник. Но вычислить точные координаты целей порой не удавалось. Долго возились мы с определением месторасположения 105-миллиметрового немецкого орудия, которое регулярно вело беспокоящий огонь по нашим боевым порядкам. На планшете каждый раз вырисовывалась не точка (в которой пересеклись бы линии засечки трех наблюдателей), а треугольник.

– В чем дело? – над этим ломали голову командир дивизиона, начальник разведки, командир взвода топоразведки.

– Еще и еще проверьте координаты наблюдательных пунктов. Сравните показания приборов, – требовал Харитошкин.

– Может, мала база сопряженного наблюдения? Между наблюдательными пунктами седьмой и восьмой батареей чуть больше километра, а до цели – около четырех.

Решили увеличить базу наблюдения, включив в СНД наблюда-

тельный пункт соседнего дивизиона, расположенного по другую сторону железной дороги. Но всё равно искомые результаты «расплылись» в надоевший всем треугольник. Позже, наконец, установили: огонь ведет не одно орудие, а три 105-миллиметровые пушки, расположенные сравнительно недалеко, на расстоянии метров трехсот друг от друга. Стрельбу из них противник вел поочередно, создавая иллюзию, будто это одно орудие. Оказалось, что для подавления цели бить надо по вершинам злополучного «треугольника».

Успешнее и в чем-то поучительнее прошла стрельба по аэростату. Немцы поднимали его в глубине обороны, километрах в двенадцати от переднего края. Аэростат напоминал обычную «колбасу», используемую в качестве противосамолетного заграждения. Противник применил его для наблюдения за боевыми порядками. Аэростат поднимался днем, засечь его было несложно, а «достать» непросто, поскольку висел он на удалении, превышающем дальность стрельбы дивизионных пушек.

Что оставалось делать? Немецкий корректировщик, как на ладони, наблюдал наши позиции и приносил немало беспокойства.

Посоветовавшись, очевидно, с командованием артполка, майор П. Харитошкин приказал:

– Оборудовать как можно ближе к переднему краю временную огневую для 76-миллиметрового орудия седьмой батареи. Подготовить шрапнельные боеприпасы. Стрельбу вести на предельной дальности на полном заряде. Орудие на огневую выдвинуть ночью, тщательно замаскировать.

Корректировать огонь с наблюдательного пункта, оборудованного на высоком дереве, приготовился командир дивизиона. Исходные данные для стрельбы подготовили заранее. Как только был поднят аэростат, мы подали соответствующую команду, и, как нам казалось, невдалеке, а на самом деле с существенным недолетом разорвалась первая шрапнель. Круглое белое облачко на фоне голубого неба.

– Черт возьми, не достанем «колбасу».

Но что это? Из корзины аэростата что-то выпало. Оказалось, выпрыгнул наблюдатель. Почти перед самой землей раскрыл парашют. Вслед затем «колбаса» дернулась вниз и стала стремительно снижаться. Противник счел благоразумным как можно быстрее убрать аэростат. О причине недолетов он не имел ни малейшего представления. Правда, и нам едва не досталось. Еще не успели

мы произнести двух слов, оценить итог боевой работы, как в ответ заговорила немецкая батарея. Противник пытался нащупать и заставить замолчать орудие, которое вело стрельбу по аэростату. Но теперь скорректировать огонь немецкий наблюдатель не мог. Снаряды противника рвались метрах в шестистах от огневой, пролетая как раз над нашими головами, едва не задевая ветки дерева, на котором расположился наблюдательный пункт. Надо ли говорить, что мы чуть ли не кубарем скатились с дерева.

Тут же последовала команда: «Орудие с временной огневой снять. Расчету объявить благодарность». Больше аэростат наблюдения не поднимался. «Раз обжегшись, кошка пламени боится» – гласит немецкая пословица.

Позже, когда началось наступление на Полоцк, мы разыскали место, с которого противник поднимал «колбасу». Это был кустарник в нескольких стах метрах от озера. На болотистой поляне еще сохранялись следы колес, валялись куски троса, колья, различный мусор.

После взятия Полоцка дивизия наступала вдоль Западной Двины, большей частью не встречая серьезного сопротивления. Но в нескольких километрах северо-западнее Дриссы (Верхнедвинска) разгорелся жаркий бой. Противник пытался потеснить и сбросить наши батальоны в реку. А мы зацепились за узенькую полоску земли вдоль обрывистого берега и держались, отражая упорные контратаки. Были моменты, когда немецкие солдаты почти вплотную подбирались к позициям. Со стороны железной дороги проходили танки – с ними расправлялись соседи. Самолеты врага пикировали на наши позиции. Ориентиром им служила водокачка, расположенная на берегу Западной Двины.

Командира полка, который в эти дни находился вместе с нами, прикрывали разведчики – сержант Садыхов и рядовой Камков. Работали обе батареи. Едва успевали подносить мины минометчики. Приходилось пускать в ход и личное оружие. В этом бою я хорошо уяснил, насколько важно каждому офицеру иметь при себе запасные диски, никогда не расставаться с автоматом.

Сбить нас с узенького плацдарма на берегу реки противнику не удалось. В течение ночи гитлеровцы искали раненых, вытаскивали трупы. А наутро большая группа солдат – остатки наступавшей на нас части, растянувшись вдоль поля длинной цепочкой, сдалась дивизионной разведке. Это была первая на моей памяти массовая сдача в плен. До полной капитуляции курляндской группировки оставалось чуть меньше года.

Рано утром над лесом, над полянами, прогалинами лег густой туман. Едва начало светать, как в районе немецких позиций вновь поднялся шум, раздалась стрельба, взлетели в воздух осветительные ракеты. В чем дело? В утреннем тумане различаем размытые фигуры солдат, приближающиеся со стороны противника.

Приготовились к встрече. Когда цепочка людей приблизилась, наконец различили – это не немцы, а выходящие из окружения солдаты батальона 1115-го стрелкового полка. Батальон несколько часов вел лесной бой, не позволив противнику расчленить и сбить его с занимаемых позиций. Выдержав натиск, командир батальона и командир седьмой батареи рано утром вывели подразделения к своим.

Одним из первых ко мне подбежал комбат. Я встретил его вопросом:

– Что ты делаешь, старина? Почему никак не обозначил себя? В тумане мы приняли вас за немцев. Едва не накрыли снарядами твоей же батареи.

– Да мы толком не знали, где немцы, где наши. Было не до опознавательных сигналов. Днем отбивались от автоматчиков, ночью приводили себя в порядок. Выходить решили рано утром. Завидев группу, немецкий заслон разбежался. Да, кстати, не спеши с докладом командиру дивизиона. Доложу сам. Заодно попрошусь побывать часок-другой на огневой. Может быть, удастся истопить баньку. Да и людям надо отдохнуть.

Через день мы вновь пошли вперед. И снова были ночные стычки с автоматчиками противника, просочившимися сквозь наши боевые порядки. Вскоре заняли оборону по западному берегу Венты, недалеко от Нигранды. 8-я батарея поддерживала роту, занимавшую участок почти в два километра по фронту.

Перед началом нового наступления боевые порядки стрелковых полков и батальонов переместились несколько к северу. Нужно было сменить огневые позиции, выбрать и оборудовать новые наблюдательные пункты. Однако первая траншея, принятая от соседа, оказалась размаскированной, хорошо наблюдаемой со стороны противника. Было очевидно, что в условиях боя корректировать огонь на таком наблюдательном пункте будет трудно. Пришлось выбрать наблюдательный пункт несколько позади первой траншеи.

Трудности возникли и с переменной огневой позиции. Лесная дорога оказалась труднопроходимой. Её устилали бревнами, которые

тонули в вязком болоте. Машины, повозки проваливались в топкую массу. На дороге возникали пробки. Технику приходилось тащить буквально на руках.

Проведя рекогносцировку, решили переместить гаубицы не по лесной дороге, а по большаку, проходившему вдоль переднего края. Риск состоял в том, что машины и техника могли попасть под ружейно-пулеметный огонь противника. Однако взвесив все «за» и «против», остановились на этом решении. Командир дивизиона утвердил наше предложение. Огневые в новом районе были оборудованы заранее, батарею переместили своевременно, без происшествий.

Во второй половине ноября похолодало. Не переставая, лили нудные осенние дожди. В окопах собиралась вода. Под ногами – размокшая глина, слякоть. День наступления был перенесен на сутки. Перед его началом личный состав ознакомили с обращением Военного совета, в котором говорилось, что предстоят последние бои, противник зажат в курляндском котле.

Венту форсировали под артиллерийским и минометным огнем. Зацепились за противоположный берег и вновь оказались под интенсивным обстрелом. Пришлось буквально нырять в залитые доверху водой брошенные немцами окопы. Насквозь промокшие двигались ночью вместе с батальонами. А рано утром вновь вели ближний огневой бой, отражали наседавших немцев.

Ружейно-пулеметный огонь противника был чрезвычайно плотным. Разрывными пулями дважды перебивало антенну радиации. Снаряды рвались в лесу, за спинами атакующих. Положение осложнилось, когда был пробит кожух и умолк станковый пулемет. И хотя на Венте уже была наведена переправа, наступление несколько притормозилось. Батальоны несли неоправданные потери. Был смертельно ранен командир дивизии, перенесший свой командный пункт на правый берег.

...Не так давно вновь довелось побывать в местах, где вела бои наша дивизия. Дороги военных лет отмечены могилами однополчан, именами героев, которые запечатлены в названиях улиц, населенных пунктов, выбитых на обелисках. Старые, едва заметные следы окопов на берегах Даугавы и Венты, памятники вдоль фронтовых дорог напоминают о том, как непросто и нелегко был путь от истоков Волги до берегов Балтики, от Осташкова и Велижа до Даугавпилса и Лиепая.

СЕМЕН ЯКОВЛЕВИЧ КАЛЯГИН

Бои на реке Вента

Согласно приказу командования 1-го Прибалтийского фронта 4-я ударная армия 28 сентября 1944 года сдала свою оборону войскам 22-й армии и сосредоточилась севернее города Шауляй.

891-й артиллерийский полк и части 332-й стрелковой дивизии совершили марш с 29 сентября по 6 октября и заняли оборону в районе населенных пунктов Блоклава – Забики – Медвелоки.

7 октября, после короткой артиллерийской подготовки, оборона противника была прорвана. К вечеру наши части продвинулись на 20–25 километров, освободили более 20 населенных пунктов и остановились в оборону.

Снова приказ: сдать свою оборону частям 360-й дивизии. В ночь 11 октября вновь на марше и к утру 12 октября 332-я дивизия и 891-й артиллерийский полк прибыли в район Бугеня.

12 октября 1944 года войска 2-го Прибалтийского фронта освободили Ригу, а несколькими днями раньше соединениями 1-го Прибалтийского фронта была отрезана Прибалтийская группа войск противника от Восточной Пруссии. Советские войска вышли к Балтийскому морю.

Курляндская группировка была зажата в треугольник Либава – Тукумс – Виндава. У реки Вента и железнодорожной линии Либава – Тукумс немцы цеплялись за каждый опорный пункт. С особым усердием возводили они укрепления на берегах реки Вента. В ночь 16 октября артиллеристы полка подтянули ближе к реке свои пушки и неожиданным налетом ударили по вражеской обороне. Пока шла артиллерий-

ская подготовка, стрелковый батальон майора П.И. Тимофеева, поддерживаемый огнем третьей батареи лейтенанта В.М. Винокурова, первым переправился через реку и атаковал врага. Следом наступали и другие батальоны дивизии.

К вечеру 17 октября важный плацдарм на северо-восточном берегу реки Вента был взят. Вся операция была осуществлена с небольшими потерями. Враг же оставил в этом бою более 300 убитыми и ранеными солдат и офицеров. Было уничтожено 5 орудий, 8 минометов, 13 пулеметов и много стрелкового оружия.

В ходе успешного боя был освобожден населенный пункт Феликсберг и несколько хуторов.

Сопrotивление немцев с каждым часом возрастало. Стрелковые батальоны перешли от наступления к обороне.

19 октября снова были переброшены части 332-й дивизии и батареи полка на другой участок фронта. После марша сосредоточились в районе Яндземи и Юмачи, заняли оборону и приготовились к прорыву вражеских позиций.

24 октября против 1115-го полка и третьего артдивизиона немцы бросили большие силы пехоты и танки. Началась «психическая атака» врага. Танки, подойдя к нашим траншеям на расстояние 30–50 метров, остановились и стали стрелять в упор. Завязалась своеобразная дуэль. Артиллеристы второго дивизиона под командованием майора П.В. Харитошкина, командиров батарей М.С. Королева, Е.Д. Раухваргера и П.С. Осминина прямой наводкой били по танкам. Один танк запылал, остальные повернулись и ушли в укрытие. Вражескую пехоту встретили дружным автоматным и пулеметным огнем стрелковые роты 1115-го полка.

Особенно ожесточенные бои проходили в районе городов Огре, Текава и станции Баложки. Никогда не забудется ивановцам тревожная ночь с 25 на 26 октября 1944 года, когда подразделения 332-й стрелковой дивизии и 891-го артиллерийского полка вошли в узкий коридор прорыва и двинулись вперед по рижскому большаку. Этот коридор прозвали тогда «коридором смерти»: справа – враг, слева – враг, впереди – враг.

Разъяренные потерей стратегических участков фронта немцы пытались всеми средствами изменить обстановку. И все же приостановить наше наступление им не удалось.

В конце октября в дивизию и артиллерийский полк пришла радостная весть. Был получен Указ Президиума Верховного Совета, который гласил: «За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками при прорыве обороны противника юго-восточнее города Рига и проявленную при этом доблесть и мужество наградить орденом Суворова второй степени 332-ю стрелковую Иваново-Полоцкую дивизию имени М.В. Фрунзе».

В батареях артиллерийского полка шли митинги. На них с воодушевлением выступали солдаты, сержанты, командиры, заверяя, что с честью оправдают высокую оценку Верховного командования и приложат все силы для полного разгрома фашистских войск в Курляндии.

Марш – и снова река Вента. Со 2 ноября 1944 года началась подготовка к штурму немецких укреплений. Передовые наблюдательные пункты батарей с помощью передовых штурмовых стрелковых групп дивизии принялись за изучение местности и пристрелку огневых точек противника.

Штурмующим группам ставилась задача: разведать силы противника и захватить «языка». 3 ноября под покровом ночи разведчики 1115-го полка, поддерживаемые первым артиллерийским дивизионом, без шума переплыли реку Вента и проникли в глубь обороны врага. «Язык» был взят. Им оказался офицер, который дал ценные сведения.

Немцы, узнав, что в их оборону проникли разведчики, открыли сильный огонь из всех видов оружия и бросились в погоню. Но было поздно: разведчики с пленным уже успели переправиться на свою сторону. Артиллеристы дивизионов прикрывали их отход.

Тем временем другая группа разведчиков из 1117-го полка при поддержке второго артиллерийского дивизиона на плоту переправились через Венту и наткнулись на землянку, в которой были немцы. Разведчики забросали фашистов гранатами, уничтожили огневую точку врага и захватили еще одного «языка». Тут же сразу была дана команда с пленным возвращаться в свое расположение. Немцы не успели даже определить, откуда появились наши разведчики. Их отход прикрывался артиллерийским огнем. А пленный был благополучно доставлен в штаб дивизии.

В стрелковых частях дивизии и артиллерийском полку шла уси-

ленная подготовка к предстоящему бою и повторному форсированию реки Вента.

В период боев на реке Вента разрабатывалась единая схема артиллерийского огня. Руководить ею было приказано мне, в ту пору начальнику артиллерии дивизии. А помощником моим был командир 891-го артполка полковник К.И. Крамаренко.

Артиллеристам полка пришлось много поработать для создания хорошей огневой системы, огневых позиций, наблюдательных пунктов. Враг занимал господствующие подступы на северо-восточной стороне реки Вента.

В задачу 332-й дивизии и 891-го артиллерийского полка входило форсировать реку, занять плацдарм на северо-восточном берегу реки и при успешном закреплении развивать дальнейшее наступление к главной шоссейной дороге противника, идущей через крупный населенный пункт Помпали на Эзере – Можейкяй.

20 ноября 1944 года под покровом темноты на подручных плавсредствах в полной тишине стали переправляться стрелковые батальоны с артиллерийскими корректировщиками, которым была поставлена задача: обеспечить поддержку артиллерийским огнем, уничтожить цели противника. Ранним утром гвардейские минометы «катюш» возвестили длинным аккордом начало артиллерийской подготовки.

Включились в артподготовку все дивизионы нашего полка. От артиллерийской канонады вздымалась земля на линии вражеской обороны, всё содрогалось. Оборона немцев была охвачена огнем и дымом.

Два часа продолжался мощный артиллерийский налет. А когда огонь батарей был перенесен в глубь обороны противника, стрелковые роты, поднявшись во весь рост, бросились в атаку. Огневые средства немцев не были уничтожены полностью. Враг хотя и понес большие потери в живой силе и технике, но упорно сопротивлялся. В этом бою захвачено несколько пленных, трофеи. Но были потери и в стрелковых подразделениях.

Используя успех прорыва, батальоны 332-й дивизии за день продвинулись вперед до пяти километров, заняли важную шоссейную дорогу, идущую через Помпали на Эзере, Мажейкяй – тот самый большак, который проходил вдоль вражеской линии оборо-

ны и который немцы активно использовали для переброски своих войск и боевой техники к фронту.

Как только стрелковые подразделения пересекли вражескую оборону, четвертая батарея второго дивизиона под командованием Раухваргера первой начала переправу через реку Вента. Следом переправлялись пятая и шестая батареи. Через несколько часов переправились первый и третий артиллерийские дивизионы полка.

Большую организаторскую работу по форсированию реки Вента провели начальники штабов: первого дивизиона – М.П. Загребский, второго – П.М. Устюменко, третьего – Модин.

Бои были на редкость упорные, тяжелые. Враг яростно сопротивлялся, цеплялся за каждый рубеж. Метким огнем прямой наводкой артиллериста заставили врага откатываться в глубь Курляндии.

В боях на плацдарме реки Вента 21 ноября 1944 года 332-я стрелковая дивизия потеряла своего второго командира – полковника Ивана Ивановича Савченко. Прах Савченко был захоронен на воинском кладбище в городе Шауляй.

24 ноября 1944 года командиром 332-й стрелковой дивизии был назначен полковник Сергей Сергеевич Иванов.

С 25 ноября по 5 декабря дивизия и артполк находились в обороне, прикрывали левый фланг 83-го стрелкового корпуса 1-го Прибалтийского фронта.

В ночь на 6 декабря под покровом темноты дивизия и артполк сдали свой участок обороны частям 83-го стрелкового корпуса и незаметно для противника передислоцировались в район пунктов Даусескаченги и Тукаин, где 1119-й полк встал в оборону, а 1115-й и 1117-й полки находились на отдыхе. И как всегда при любом отдыхе стрелковых полков артиллеристы находились в первой линии обороны.

Воспользовавшись затишьем на участке обороны Таукаин и Дубескаченги, бойцы и командиры приводили себя в порядок. Брились, мылись в банях, чинили одежду, обувь. Более месяца находились в обороне. После Нового года 16 января 1945 года 332-я стрелковая дивизия и 891-й артиллерийский полк вошли в состав 14-го корпуса 4-й ударной армии, сдали свою оборону и совершили стокилометровый марш к городу Клайпеда.

Вечером 16 января началась сильная пурга. С моря дул ледяной ветер, он заметал снежным покровом все дороги. Но темп продвижения частей дивизии и артиллерийского полка не ослабевал. Радостно было сознавать, что в воздухе господствовала наша авиация, полки двигались днем и ночью.

Ранним утром 22 января советские части подошли к городу Клайпеда. В ясный морозный день с прилегающих высот были видны остроконечные крыши зданий города.

В течение многих месяцев фашисты возводили вокруг города оборону, превратили город Клайпеда в неприступную крепость. На подступах противник имел особенно сильный оборонительный рубеж.

Дивизии и артполку не довелось освободить Клайпеду, это сделали другие части 4-й ударной армии. Противник в беспорядке отступал. Немцы отходили через залив на косу (Куршская) к Неринга. Эта узкая полоска земли протяжением от Клайпеды около ста километров вела в море к Восточной Пруссии.

Частям дивизии и артполку предстояло новое наступление. Командование 4-й ударной армии, осуществляя тактический маневр, перебросило полки в район Приекуле, что восточнее Лиепая (Либавя).

Итак, дивизия и артполк снова на марше из Литвы в Латвию. Солдатам не всегда были понятны эти изнурительные марши «туда и обратно». Они казались ненужными, к тому же очень изматывающими. Тяжелы марши были и тем, что они совершались в большинстве своем ночью. Зимой, особенно в непогоду, воинам приходилось отмерять десятки километров собственными ногами. Когда солдаты уставали, отдыхали тут же, на снегу, на сырой земле. Лошади уставали от бездорожья.

В Латвии особенно было много непроходимых болот. Впрягались в лямки солдаты, помогая вытаскивать орудия.

Ратный труд был невероятно тяжел, но артиллеристы выносили все лишения, невзгоды и никогда не падали духом. Всегда настроение было бодрое, веселое, что снимало всякую усталость, а порой забывали, что сутками не спали. У всех было одно стремление – вперед и только вперед до полного разгрома врага! Таков был лозунг воинов 332-й Иваново-Полоцкой ордена Суворова второй степени стрелковой дивизии имени М.В. Фрунзе.

Особенно хочется отметить героические подвиги советских солдат и командиров артиллерийского полка, очевидцем которых я был сам. Они внесли достойный вклад в общую победу по разгрому немецких войск в Прибалтике. Это волевой и грамотный командир артиллерийского полка К.И. Крамаренко, заместитель командира полка по политической части Д.Г. Куликов, начальники штаба полка М.И. Директоренко, А.П. Гавриленко, помощники начальника штаба полка В.А. Верушкин, М.А. Георгиев, В.П. Дорохов, П.И. Витушкин, командиры дивизионов Ф.С. Орловский, С.П. Бушуев, И.Д. Бураков, командиры батарей Е.Д. Раухваргер, В.Н. Орлов, В.М. Винокуров, В.П. Харьков, П.И. Оводов, А.В. Авраменко, П.С. Подмаско, начальник артиллерийского снабжения полка В.В. Платонов, начальник артиллерийских мастерских В.О. Кукушкин, начальник разведки дивизиона В.И. Ермаков, командиры взводов С.И. Оленник, М.В. Гринченко, С.К. Ворыханов и многие другие.